

О.И.Цветкова

ОТОБРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ТВОРЧЕСТВЕ В.ПЕЛЕВИНА

Революция 1917 года была и остается синонимом краха для многих деятелей культуры и искусства. Так Виктор Пелевин в своем романе «Чапаев и Пустота» рассматривает революцию как демоническую, бесконтрольную силу, ведущую мир в пропасть. Роман Пелевина построен особым образом, в его хронотоп входит двоемирие пространства и времени. Один мир, описываемый в романе, — период революции, другой мир — современная автору действительность времен перестройки. Оба эти мира автору неприятны, он видит в них надрыв культуры и нравственных ценностей. В романе очевидна связь двух исторических эпох: перестройки и революции. Вся зыбкость времен передана писателем в угнетенности образа главного героя, в его сумасшествии и желании бежать в «никуда». В хаосе времени и пространства проявляется магическая сущность периодов перестройки и революции.

Ключевые слова: революция, вьюга, стихия, крах, перестройка, пустота

Революция, как явление падения старого порядка и воцарения нового, была и остается синонимом краха для многих деятелей культуры.

Несмотря на то, что движущей силой революции была интеллигенция, последствия своих воздействий на ход истории именно этот класс ощутил на себе острее всех.

Отношение к революции как к несомненному злу можно увидеть в воспоминаниях И.А.Булгакова «Окаянные дни» (1918—1920) [1], в романах М.А.Булгакова «Белая гвардия» (1925) [2], в повести А.Платонова «Котлован» (1930) [3].

У представителей интеллигенции нового времени свое видение этого периода истории России. Однако оценка этого периода во многом схожа с оценкой современников революции.

Виктор Пелевин в романе «Чапаев и Пустота» рассматривает революцию как демоническую, бесконтрольную силу, ведущую мир в пропасть: «Этой зимой по аллеям мела какая-то совершенно степная метель, и попадись мне навстречу пара волков, я совершенно не удивился бы. Бронзовый Пушкин казался чуть печальней, чем обычно — оттого, наверно, что на груди у него висел красный фартук с надписью: «Да здравствует первая годовщина Революции». Но никакого желания иронизировать по поводу того, что здравствовать предлагалось годовщине, а революция была написана через «ять», у меня не было — за последнее время я имел много возможностей разглядеть демонический лик, который прятался за всеми этими короткими нелепицами на красном» [4]. Мотивы метели, вьюги как образа революции использовали многие современники революционных событий, так Сергей Есенин представляет революцию в образе пурги и вьюги: «Я нескоро, нескоро вернусь, / Долго петь и звенеть пурге, / Стережет Голубую Русь старый клен на одной ноге» [5, с. 122]. Александр Блок в своей поэме «Двенадцать» не раз использует образ вьюги, ветра, снега для описания революционной атмосферы:

Ветер веселый
И зол, и рад.
Крутит подолы,
Прохожих косит,
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию» [6, с. 9].

Образ разгулявшейся неуправляемой стихии в поэме А.Блока «Двенадцать» указывает на бесконтрольную, страшную природу революционного движения:

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга, ой, вьюга,
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!
Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся... [6, с. 18].

Образы вьюги, снега, метели являются некими знаками хаоса, символизирующими революционное время и отражающими опасный ход истории.

Однако отношение Виктора Пелевина к революции как к бесконтрольному злу прослеживается не только в сравнении ее с вьюгой и метелью. Писатель выстраивает свое видение этого события, анализируя в романе «Чапаев и Пустота» поэму Александра Блока «Двенадцать». Так, в диалоге Валерия Брюсова и Петра Пустоты можно заметить следующую оценку поэмы: «Кстати, вы “Двенадцать” Блока успели прочесть?

— Видел, — сказал я.
— И что думаете?

— Я не вполне понимаю символику финала, — сказал я, — почему перед красногвардейским патрулем идет Христос? Уж не хочет ли Блок распылять революцию?

— Да-да, — быстро сказал Брюсов, — вот и мы с Алешей только что об этом говорили.

— Я слышал, — сказал я, — что он поменял конец. Теперь перед патрулем идет матрос.

Брюсов секунду соображал, а потом его глаза вспыхнули.

— Да, — сказал он, — это вернее. Это точнее. А Христос идет сзади! Он невидим и идет сзади, влача свой покосившийся крест сквозь снежные вихри!

— Да, — сказал я, — и в другую сторону.

— Вы полагаете?

— Я уверен, — сказал я..» [4].

Образ Христа, уходящего в другую сторону от революционного шествия, указывает на богооставленность (богопокинутость) России времен 1917—1920 годов и на демоничность шествия революционеров, идущих в никуда.

В деятелях нового порядка Пелевин видит предателей, успевших вовремя предложить новой власти свои услуги. Называет представителей революционной власти «воинством тьмы»: «Было поучительно видеть на человеке, который горазд был в свое время поговорить о мистическом смысле Святой Троицы, явные знаки принадлежности к воинству тьмы — но, разумеется, в такой перемене не было ничего неожиданного. Многие декаденты вроде Маяковского, учуяв явно адский характер новой власти, поспешили предложить ей свои услуги. Я, кстати, думаю, что ими двигал не сознательный сатанизм — для этого они были слишком инфантильны, — а эстетический инстинкт: красная пентаграмма великолепно дополняет желтую кофту» [4].

Сатанизм и дьявольская сущность происходящего — вот основные факторы, которые видит автор в смутном времени революции.

Роман Пелевина построен особым образом, в его хронотоп входит двоemiрие пространства и времени. Герой романа каждый раз просыпается в новой для себя реальности. Один мир, описываемый в романе, — период революции, другой мир — современная автору действительность времен перестройки. Примечательно, что оба эти мира автору неприятны, он видит в них надрыв культуры и нравственных ценностей, в связи с чем у главного героя происходит распад личности и ее разрыв с реальностью. Неслучайно Петр Пустота (главный герой) оказывается в психиатрической клинике, ведь, по мнению врача, он потерял связь с действительностью из-за невозможности встроить свою жизнь в новую парадигму реальности. В хаосе времени и пространства проявляется магическая составляющая периодов перестройки и революции, толкнувшая главного героя к помрачению рассудка: «Ну вот видите. Вы как раз принадлежите к тому поколению, которое было запрограммировано на жизнь в одной социально-культурной парадигме, а оказалось в совершенно другой. Улавливаете, о чем я говорю?

— Еще бы, — ответил я» [4].

Это, по мнению врача психиатрической клиники, куда поступил Пустота, и стало причиной сумасшествия Петра.

В романе очевидна связь двух исторических эпох: перестройки и революции. Вся зыбкость времен передана автором в угнетенности образа главного героя, в его сумасшествии и желании бежать в «никуда». Не случайно Петр оказывается именно в этих эпохах, они схожи между собой своей демоничностью, стремительностью.

Страх и чувство уязвимости определяет отношение главного героя к любой из реальностей, в которых он находится (период революции или перестройки). Попытка автора создать для своего героя особый мир под названием «нигде» как раз-таки и есть способ ухода от миров распада и перестройки внешней реальности.

Сам автор характеризует свой роман «Чапаев и Пустота» как «Первое произведение в мировой литературе, действие которого происходит в абсолютной пустоте»[4]. Если рассматривать термин Пустота, как категорию буддизма, то это понятие означает наличие всего. Однако, если анализировать роман с точки зрения тех реалий, от которых пытается убежать главный герой, то можно сделать иной вывод, не связанный с буддийскими категориями: Петр, находясь «нигде», в «пустоте», пребывает в прямом смысле в пустом (при отсутствии всего) пространстве своего внутреннего сознания, так как в каждом из реальных миров, где было сознание Петра до его побега от действительности, (время революции и перестройки), сломаны все доступные моральные и нравственные ориентиры, разрушена система восприятия добра и зла. При отсутствии абсолюта добра и зла герою приходится находиться в абсолютной пустоте, в прямом смысле этого слова, то есть при полном отсутствии света. Герой болезненно воспринимает свое положение, в его сознании разрушены все ориентиры, поэтому его внутренняя «пустота» может восприниматься буквально.

Необходимо также вспомнить, что период написания романа — 1996 год — это период перестройки, где почти каждый житель нашей страны чувствовал себя подобно Петру Пустоте уязвимо и подавлено. И возможно, мир «нигде» и «пустота» был действителен в той антихристианской, антихристовой реальности, где сломлены все духовные идеалы и не работают нравственные начала.

2. Булгаков М.А. Белая гвардия // Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1989. 624 с.
3. Платонов А. Котлован // Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. М.: Время, 2009. 451 с.
4. Пелевин В. Чапаев и Пустота. М.: Эксмо, 2009. 416 с.
5. Есенин С.А. Я покинул родимый дом // Есенин С.А. Избранное. Ленинград: Лениздат, 1970. 495 с.
6. Блок А.А. Двенадцать // Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 5. М.: Наука, 1999. 570 с.

References

1. Bunin I.A. Okayannye dni // Bunin I.A. Polnoe sobranie sochineniy: V 13 (16) t. (t. 14—16 dopolnitel'nye). T. 6. M.: Voskresen'e, 2006. 488 s.
2. Bulgakov M.A. Belaya gvardiya // Sobr. soch.: V 5 t. T. 1. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1989. 624 s.
3. Platonov A. Kotlovan // Sobr. soch.: V 8 t. T. 3. M.: Vremya, 2009. 451 s.
4. Pelevin V. Chapayev i Pustota. M.: Eksmo, 2009. 416 s.
5. Esenin S.A. Ya pokinul rodimyy dom // Esenin S.A. Izbrannoe. Leningrad: Leniz-dat, 1970. 495 s.
6. Blok A.A. Dvenadsat' // Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. T. 5. M.: Nauka, 1999. 570 s.

Tsvetkova O.I. The display of the 1917 revolution in the work of V.Pelevin. The revolution of 1917 was and remains a synonym for the collapse of creative community. Thus Victor Pelevin in his novel "Chapayev and Pustota", known in the US as "Buddha's Little Finger" and in the UK as "Clay Machine Gun", sees the revolution as a demonic, uncontrolled force, leading the world into the abyss. Chronotope of Pelevin's novel includes world duality of space and time. One world, described in the novel, is a period of revolution, another world is the "perestroika". Both of these worlds are unpleasant to the author, he sees in them a decline in culture and moral values. In the novel the connection between two historical epochs, perestroika and revolution, is obvious. All instability of these periods of time is conveyed by the writer in the craziness of the protagonist, in his madness and desire to flee to nowhere. In the chaos of time and space, the magic of perestroika and revolution is manifested.

Keywords: revolution, blizzard, element, collapse, perestroika, emptiness.

Сведения об авторе. О.И.Цветкова — аспирант (специальность 10.01.01. — русская литература) НовГУ им. Ярослава Мудрого; mio1987@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 05.03.2018.